
УДК 82.0 (470.621)
ББК 83.3 (2=Ады) 6
Х13

Хагундокова С.Д.

Соискатель кафедры литературы и журналистики Адыгейского государственного университета, библиотекарь читального зала Научной библиотеки Адыгейского государственного университета; e-mail: Artem.stepan off@gmail.ru

Философия природы и лирический хронотоп поэзии И. Машбаша *(Рецензирована)*

Аннотация:

Характеризуется философия жизни поэта, связанная, прежде всего, с философией времени, пространства и природы в целом. Функции образов и символов природы в лирике И. Машбаша рассматриваются сквозь призму открытой авторской позиции и лирического хронотопа стихов, посвященных различным модификациям утреннего времени суток. Сделан вывод о гармоничном, позитивном мироощущении лирического героя поэзии И. Машбаша.

Ключевые слова:

Ислам, метафоризм, лейтмотив, циклическое время, архетип, лирический герой, дихотомия, оппозиция.

Khagundokova S.D.

Applicant for Candidate's degree of Literature and Journalism Department, Adyge State University, Librarian of the Scientific Library, Adyge State University; e-mail: Artemstepanaoff@gmail.com

Philosophy of the nature and lyrical chronotope of I.Mashbash's poetry

Abstract:

The paper describes the philosophy of the poet's life, related, first of all, to philosophy of time, space and the nature as a whole. Functions of images and nature symbols in lyrics of I.Mashbash are considered through a prism of an author's open position and lyrical chronotope of the verses devoted to various modifications of morning time of day. The author comes to a conclusion that the lyrical hero of poetry of I.Mashbash has harmonious and positive attitude to life.

Keywords:

Islam, metaphorism, keynote, cyclic time, archetype, lyrical hero, dichotomy, opposition.

Поэзии И.Машбаша присуще позитивное, оптимистичное жизненное кредо. У него практически отсутствует ощущение разлада между мечтой и действительностью, между человеком и природой, между мгновением и вечностью.

Философия жизни у поэта зиждется на основах, связанных, прежде всего, с философией времени, пространства и природы в целом. Вместе с тем, поэзию Машбаша нельзя заподозрить в легкости, бездумности, упрощенности и схематизме.

В лирике И.Машбаша наблюдается еще одна важная в контексте северокавказской поэзии 1950-1960 гг. особенность – наличие *открытой авторской позиции*, что сближает его публицистику с полярным, на первый взгляд, явлением – *лирическим* способом отражения действительности. Т.М.Степанова отмечает, что для литератур Северного Кавказа и их генезиса по целому ряду причин это явление совершенно уникальное, скорее исключение, чем правило. «До XX века абсолютное большинство северо-кавказских литератур существовало в фольклорной форме, которая, во-первых, предполагает преобладание коллективного начала над индивидуальным (непременным признаком ряда документально-художественных форм), во-вторых, фантастической условности над документальной конкретикой. Другим важным фактором, не способствовавшим развитию образа лирического героя как носителя авторского «Я», являлось наличие исламской цивилизации, для которой абсолютно всеобъемлющими считались священные тексты Корана, строгое соблюдение адатов, одним из которых был полный запрет на графическое и вербальное изображение человека. Эта традиция распространялась и на литературное творчество, в котором не было принято раскрывать внутренний мир отдельной личности» [1: 45]

В стихах И.Машбаша, как и у всякого истинного поэта, можно обнаружить комплекс наиболее устойчивых, востребованных, характерных для него образов, мотивов и лейтмотивов природы, наиболее полно отражающих его творческую индивидуальность и его взаимоотношения с миром природы. Лирический хронотоп поэзии И.Машбаша создается многомерно, как из образов природного пространства, так и из образов воплощения его в природном времени – мгновения, часа, суток, месяца, года, столетия, вечности. Образ времени, как одного из постоянно меняющихся состояний Все-

ленной, остро воспринимается, чувствуется, переживается и передается поэтом. Причем, если в романах И.Машбаша время осмысливается с точки зрения исторической перспективы и ретроспективы с размахом-интервалом до двух тысячелетий, то в его лирике это, прежде всего, циклическое физическое время – времена года и периоды суток.

Из всех малых измерений физического и астрономического времени – суточного цикла – лирическому герою И.Машбаша ближе всего состояние утреннего времени. Семантика и символика рассвета больше присуща ему, чем символика угасания, мрака. И, вместе с тем, не следует думать, что поэту чужды признаки драматического и трагического мироощущения, хотя это больше свойственно его эпосу – как поэмам, так и романам. Но главное в стихах, посвященных времени дня, – это образ солнца, света и ощущение счастья либо его предчувствия.

И. Машбаш в своих стихах выражает ощущение красоты всех периодов суток – раннего утра, светлого дня, вечерних сумерек и лунной ночи; красоты разных времен года – весны, лета, осени и зимы; красоты отдельных состояний и стихий природы – грозы, певучего ветра, дождя, шума леса в непогоду, морского прибоя и множества других состояний, вплоть до красоты лужи, в которой отражаются звезды. Гармония для И.Машбаша содержится во всем: в единстве хмурого неба, воды, земли и притихшего леса; в строении кленового листа и в кронах могучих деревьев; в пении птиц, окраске животных и т. д. Все это человеку надо видеть, знать и чувствовать.

Утренние ощущения и мотивы представлены в целом ряде стихотворений И.Машбаша – «Стихи, написанные в радостное утро мое», «Стихи, написанные солнечным утром в Ливане», «В час между ночью и днем». Утренний хронотоп практически всегда и везде, будь то фольклор, живопись либо поэзия, на уровне архети-

па несет вполне отчетливую позитивную, оптимистическую семантику. Наряду с этим нам известны и иные, менее жизне-радостные коннотации «утренней темы» (см. «Утро туманное» (И.С.Тургенев), «Хмурое утро» (А.Н.Толстой). Вместе с тем, определяющими являются, несомненно, «Зимнее утро» А.С.Пушкина, «Я пришел к тебе с приветом» А.А.Фета.

Для Машбаша же утро всегда лучезарно, его образ органично вписывается в самую положительную эмоциональную картину мира. В «Стихах, написанных в радостное утро мое», создается метафорический живой, подвижный образ радости: «Как мало человеку счастья надо!» - восклицает в первой строке поэт, продолжая и повторяя свои признания: «Лишь этим утром понял я, как мало». Всеобъемлющий образ радости здесь у Машбаша многомерен и одновременно прост и осязаем. Радость отождествляется и с «цветущей веткой солнечного сада», постучавшей «в мое окошко», и с «песней неожиданной», и с «ливнем, молодым и говорливым», энергичный, даже напористый эмоциональный настрой создается при помощи глаголов «влетела», «переменила, как хотела». Желание лирического героя поделиться счастьем распространяется на все сферы природы и человеческой жизни, что говорит об органической неразрывности для него этих двух сфер. Ощущение эмоционального подъема достигается как посредством анафоры, так и повторами внутри строфы:

*Я всем желаю радости отныне:
И берегам, рекою разделенным,
И той реке, и снеговой вершине,
И верящим, и ждущим, и влюбленным* [2: 122].

*Желаю всем нечаянным прохожим.
Друзьям, меня спасавшим от печали* [2: 154].

Авторский альтруизм И.Машбаша подкупает своей обаятельной искренностью, эмоциональной и духовной щедростью: *И недругам моим желаю тоже,*

*Чтоб чаще в жизни радость замечали!
И сразу в мире станет больше света,
И добрым утро станет в самом деле* [2: 166].

Даже присутствующая здесь юная по характеру восторженность не кажется излишней и избыточной. Дихотомия дня и ночи, полдня и полночи отчетливо проявилась в стихотворении «Мне о тебе напомнил ветер полдня», произведении довольно уникальном в лирике И.Машбаша в силу его глубокой и тонкой, неярко выраженной, интимности. На редкость (и одновременно полноту) в его поэзии темы любви неоднократно обращали внимание критики и литературоведы. Волнение и напряжение лирического чувства, переживания, его сила и настоящая страстность здесь переданы в высшей степени деликатно и целомудренно, «растворены», «размыты» образами природы.

*Я думал так: ты не вернешься. Поздно.
Лишь в сказках вспять в горах текут ручьи.
Пропал и след. Так точно гаснут звезды
Последние в бледнеющей ночи* [2: 24].

И вновь мы видим парадоксальное сближение полдня и полночи, так свойственное лирическому мировосприятию И. Машбаша, выраженное в его взволнованном, сбивчивом, полемическом, полном вопросов и императивов монологе: Но почему я вдруг о давнем вспомнил,
*Какой порыв развеял забытье?
Не облако ль сияющего полдня
Так платье мне напомнило твое?* [2: 57].

Характерные для И. Машбаша природные образы-символы звезд, ручьев, ветра и полночи дополнены органично реалиями повседневного быта, конкретными деталями человеческого обихода – жилища, одежды, создавая неповторимый сплав природного и людского:

*Вот двери тихо скрипнули. Волнуясь,
Я слушаю, испуганный почти,
Как будто там, за дверью, встала юность
И знака ждет, чтобы с тобой войти.*

*Мне о тебе напомнил ветер полдня,
Что облако, как платье, шевелит,
Я неспроста одной тобой заполнен —
Мне юность снова быть с тобой велит.
Пусть не дано ручьям потечь обратно,
Но ты опять — со мной, в моей судьбе
[2: 79].*

Особняком среди произведений И. Машбаша об утре стоят «Стихи, написанные солнечным утром в Ливане». Тема этого текста иная, чем в проанализированных стихах, это тема, проявляющаяся в бинарной оппозиции родины и чужбины. Образ солнца здесь иной, чем в других стихах И. Машбаша. И хотя тема природы не является здесь центральной, она наполняет всю художественную ткань произведения. Автор, он же лирический герой, в своем монологе как бы извиняясь, обращается к чужой стране, гостем которой он оказался:

Ты пойми меня, земля Ливана.

Мне своей земли недостает.

...В Бейруте из белого тумана

Солнце ослепительно встает [2: 99].

Неизбежная в данном случае аллюзия к поэтическому тексту М.Исаковского «Летят перелетные птицы»: «Не нужен мне берег Турецкий // и Африка мне не нужна», ставшему прекрасной песней на музыку М.Блантера, выглядит вполне естественно и обоснованно в контексте общесоветского мировоззрения и литературного пространства. Признаки и приметы другой страны, ее климат, природный и антропогенный ландшафт; ярко, живописно, красочно обрисованные детали быта и культуры далекой и одновременно близкой страны выписаны И.Машбашем с той долей достоверности, зримости и убедительности, которые отличают истинную поэзию от мнимой (как и стихи М.Исаковского):

Тают в море розовые ихуны.

Серебрится ветер в проводах.

Круглые оранжевые луны

Зреют в апельсиновых садах.[2: 123].

Реалии заморской страны вызы-

вают ассоциации и параллели с образами природы, характерными для родных мест:

Праздничные, яркие машины,

Словно разноцветные лавины,

Словно реки горные с вершины,

Улицы наполнили собой [2: 173].

Этот параллелизм носит, скорее, отрицательный характер, отражающий существующую в душе поэта коллизию между родиной и чужбиной, где доминирующее положение занимает, конечно же, сначала малая родина – Адыгея, Кавказ, затем – большая родина – Россия :

Только я болею ностальгией.

Не нужны мне улицы другие,

Не нужны отели дорогие

И ливанский воздух голубой [2: 132].

Контраст между знойной бейрутской суетой и родной землей конкретизируется пейзажной картиной поселка в горной Адыгее, нарисованной то метафорически броско:

В Гузерипле солнце не такое.

Близкое – дотянешься рукою.

Щедрое, - когда не хватит силы,

Ты огня у солнца зачерпни [2: 176];

то внешне обыденно, с характерными подробностями природно-хозяйственного ландшафта, но с большим теплом и любовью:

Там в ущелье, огибая скалы,

Лесовозы тянутся устало,

И неважно, что не так красивы,

Как машины в Бейруте, они [2: 244].

Намеченная выше коллизия здесь реализуется посредством оппозиции *море – горы, ущелья*, а образ солнечного света, как и шумного ливанского веселья, выглядит чрезмерным и избыточным, вновь возвращая поэта к незыблемым ценностям. Выдающийся американский писатель Р.У.Эмерсон в своем знаменитом эссе «Природа» писал: «Here we find nature to be the circumstance which dwarfs every other circumstance, and judges like a god all men that come to her» [3: 360]. Он считал, что города не дают человеческим чувствам необходимого простора, а человеческий глаз

нуждается в созерцании горизонта. Отмеченная выше оппозиция *родина-чужбина* дополнена и развита здесь оппозицией *природа - техногенная цивилизация, веселье – глубина*. Некоторая идеологически обусловленная декларативность стихотворения искупается искренностью и

убежденностью поэта в незыблемости исконных духовных ценностей, обозначавшихся непопулярными ныне понятиями патриотизм и интернационализм, художественно запечатленных, в частности, и посредством воссоздания собственного специфического лирического хронотопа.

Примечания:

1. Степанова Т.М. Фольклорные элементы художественной структуры дилогии Р. Гамзатова «Мой Дагестан» в контексте интеллектуальной прозы Северного Кавказа // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Филология и искусствоведение. Майкоп, 2011. № 4. С. 44-52.
2. Машбаш И.Ш. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 1. Стихотворения. Поэмы. Майкоп, 2001. 702 с.
3. Emerson R.W. *Natura. Selections*. Oxford; New York: Oxford University Press, 1990. P. 300-352.

References:

1. Stepanova T.M. Folklore elements of the literary structure of R. Gamzatov's dilogy «my Dagestan» in the context of intellectual prose of the North Caucasus // The Bulletin of the Adyghe State University. Series «Philology and the Arts». Maikop, 2011. No. 4. P. 44-52.
2. Mashbash I.Sh. *Collected works: in 7 m. M. 1. Verses. Poems*, 2001. 702 pp.
3. Emerson R.W. *Natura. Selections*. Oxford; New York: Oxford University Press, 1990. P. 300-352.